

The Munda languages / G. D. S. Anderson (ed.), London; New York: Routledge, 2008.

G.D.S. Anderson. The Munda verb: Typological perspectives. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2007. 306 p.

Г. Андерсон, директор общественной организации *Living tongues* (Институт изучения языков, находящихся под угрозой), занимался полевой лингвистикой чуть ли не во всех частях света – в южной Сибири (он автор тувинской, тофаларской и хакасской грамматик), в Боливии, в Орегоне и в восточной Индии, где исследовал языки группы мунда (ветвь австроазиатской семьи). За последние два года вышли сразу две крупные книги о языках мунда, в одной из которых Андерсон является автором, а в другой – редактором (и автором ряда статей). Коллективная монография «Языки мунда», выпущенная в известной серии «Языковые семьи» издательства Routledge в 2008 году, по типу соответствует другим томам этой серии. французской «*Les langues du monde*» или русской «Языки мира»: это большой том (почти 800 страниц) со вступительным очерком о языковой группе и главами по конкретным языкам, причем описание их подчинено заданной структуре. Книга Андерсона «Глагол мунда: типологические перспективы», изданная годом раньше, посвящена различным типологическим характеристикам (с преимущественным влиянием к морфемике и компаративной реконструкции грамматики) глагола языков мунда.

Языкам мунда «повезло»: словесность и культура этих маргиналов традиционного индийского общества достаточно быстро стали описываться миссионерами. Они же заложили основы европейской лингвистической традиции их исследования, с 1900–1920-х годов складывается представленная большим числом качественных работ соответствующая отрасль лингвистической индологии, и крупнейшие языки мунда описаны весьма неплохо.

Обратили внимание на них и компаративисты (прежде всего Х. Пиннов), и типологи (такие, как К. Масика, М. Хаспельмат и М. Митун). Однако далеко не все известные факты проинтерпретированы в свете современной науки, а для «малых» языков мунда они еще и отнюдь не полностью собраны, поэтому можно не сомневаться, что работа лингвистов с этой интересной группой языков будет продолжаться еще долго. В частности, надо отметить, что генетическое разнообразие различных ветвей языков мунда, как часто бывает, обратно пропорционально количеству носителей. Крупнейшие и наиболее стабильные языки группы – так называемые «северные мунда»: шестимиллионный сантали (третий по числу говорящих австроазиатский язык вообще, после вьетнамского и кхмерского), полуторамиллионный мундари, миллионный хо и полумиллионный корку – очень близки между собой (особенно это касается первых трех, так называемых «языков кхервари»). В то же время многие языки очень дробной южномундской подгруппы (корва, гутоб, ремо, гта) насчитывают не более нескольких тысяч носителей и находятся в довольно «агрессивной» иноязыковой среде (индоарийской и дравидской), а некоторые (например, горум) уже явно вымирают. Есть и «малые» языки и наречия северной ветви, о которых далеко не все известно. У ряда языков обеих ветвей имеются малоизученные смешанные («ариизированные» и «дравидизированные») разновидности. Некоторые этнические группы (надо учитывать и весьма разнообразные этнонимы разных групп мунда) в масштабах Индии просто «не замечаются» переписями, так что неудиви-

тельно, что ряд языков и диалектов открыт только в последние десятилетия – после века с лишним изучения группы! В таких условиях фиксация и исследование особенностей «малых» языков приобретает первоочередное значение. Обзорных изданий по языкам мунда в целом такого типа еще не существовало, и издание «Языки мунда», как говорится во вводной главе, «служит первым шагом в том, чтобы пролить свет на примечательные черты отдельных языков мунда и семьи в целом» (с. 6).

Авторский коллектив книги «Языки мунда» включает признанных экспертов по данной проблематике, выполнявших большую полевую работу с носителями языков; многие из них работали также с другими языками Индии – индоевропейскими, как А. Гриффитс или А. Гхош, или дравидскими, как М. Кобаяси. Начать, конечно же, надо с Н. Зайда, хотя он замыкает список авторов (это тот самый случай, когда *last but not the least*) и по английскому алфавиту, и по избранной тематике – одна из двух его статей посвящена загадочному нихали, который «языком мунда» может быть назван предельно условно, поскольку неясно не только то, мунда ли это, но и то, язык ли это вообще. Зато редакторы посвятили профессору Зайду весь сборник, и это никаких вопросов не вызывает. Н. Зайд – основатель изучения истории языков мунда на Западе и первопроходец научного описания целого ряда языков и даже ветвей этой группы; впрочем, без ссылок на него не может обойтись ни одна работа о любом языке мунда. Науку США, кроме Зайда и самого главного редактора, Грегори Андерсона, представляет также К. Дэвид Харрисон, близкий коллега Андерсона по институту «Living tongues». В Европе работают Арло Гриффитс и Феликс Рау (оба – Лейден) и Джон Петерсон (Оснабрюк), в Японии – Масато Кобаяси и Тосики Осада, и конечно же, видными именами представлена лингвистика самой Индии – это Арун Гхош, Манидипа Патнайк и Ганеш Мурму (последний является самым известным лингвистом из носителей языков мунда, причем в рецензируемом издании он пишет не о своем родном сантали, а о малоизученной разновидности мундари, имеющей ряд характерных особенностей, системно противопоставляющей ее основным диалектам).

Первая глава «Введение в языки мунда» написана Г. Андерсоном (с учетом консультаций Н. Зайда). В ней кратко обсуждаются проблемы истории и классификации этих языков (сам Андерсон предлагает начиная с 1990-х годов альтернативную классификацию языков мунда с иной группировкой язы-

ков южной ветви), а также очерк истории их изучения. В конце главы Андерсон перечисляет то, чем интересны языки мунда для исследователя – это развитая система указательных местоимений, тесно переплетенная система маркирования залога, валентности, лица, вида и времени (характерная для одной из подгрупп – языков кхервари), развитая именная инкорпорация (язык сора), редупликация, взаимодействие отрицания и видо-временных показателей. Отмечается также общая неразработанность в литературе ряда первоочередных описательных проблем – прежде всего это фонология и синтаксис, систематическое описание которых пока существует далеко не для всех языков.

Главы со второй по тринадцатую представляют собой описания отдельных языков по следующей схеме: введение (общая характеристика, социолингвистическая ситуация, письменность) – фонология – морфология – синтаксис – семантика/дискурс (для ряда языков информация о дискурсе не приводится) – лексика – краткий текст, снабженный поморфемной нотацией и переводом. Для многих языков приводится несколько кратких текстов-образцов; корпус текстов мунда, представленный в книге, характеризуется разнообразием жанров (бытовой рассказ, сказка, миф, загадки, художественная литература европейского образца, запись лекции для школьников). Порядок подразделов внутри этих крупных частей также по возможности унифицирован, хотя, как всегда бывает в таких изданиях, объем в зависимости от интересов автора и полноты существующих описаний языка распределен по-разному. Хотя все же в ряде случаев можно было бы унифицировать подачу материала сильнее, чем это сделали редакторы (особенно это касается информации по фонетике и фонологии). Предлагаемые в книге описания ориентированы прежде всего не на теорию, а на данные; это эксплицитно отмечает, в частности, Осада в своей статье о мундари (с. 119).

Вторая глава (автор Арун Гхош) посвящена языку сантали – как уже сказано, это крупнейший из всех языков мунда по числу носителей, а кроме того, единственный из всех, имеющий в Индии официальный статус. Сантали также первым получил научное описание, а появившиеся на рубеже XIX и XX столетий труды норвежских миссионеров Ларса Скрефсруда и его ученика Пауля Боддинга задали «планку» качества для исследователей языков мунда и, на наш взгляд, остаются до сих пор непревзойденными. Статья Гхоша, фактически – мини-монография; в ней 88 страниц, это самый большой текст в

книге. Не всё на этих страницах хорошо смотрится в рамках коллективного издания (например, обсуждение генетической классификации языков мунда отчасти дублирует вступительную статью), но в целом можно только приветствовать новое, с учетом современных полевых данных, грамматическое описание, казалось бы, лучше всего описанного языка этой группы. Здесь также освещена социальная история этого языка, проблема сантальской орфографии (несмотря на скромный уровень грамотности среди санталов, у них имеется пять письменностей – одна из которых специально изобретена для этого языка – и у каждой есть свои приверженцы и периодические издания!). Очерк выделяется подробным описанием фонологии, гармонии гласных и морфонологии сантали, сочетаемости и минимальных пар, а также релевантных правил (правда, несколько комичное ощущение производит состоящая из одних плюсов таблица на с. 21, из которой видно, что все гласные могут встречаться во всех позициях); морфология и особенно синтаксис описаны сжато, но с максимально допустимой полнотой и с большим числом примеров. Из морфологических наблюдений отметим такую новую тенденцию, как употребление двойственного числа в качестве вежливого «вы» (с. 33), (о данном явлении, взаимодействующем с инклюзивностью, см. [Cysouw 2005], в т.ч. и на материале мунда), описание экспрессивных образований, возникающих путем частичной эхо-редупликации, по популярной в Азии модели вроде *шашлык-машлык* (с. 74–75). В описании глагола у автора преобладает чисто структуралистское разграничение значений многочисленных сантальских форм на «определенные результативные / нерезультативные / предварительные» и т.п., отчасти восходящие, по-видимому, к описаниям Х.-Й. Пиннова для прото-мунда (с. 57) и проч.

В целом для очерка Гхоша характерно критическое отношение к предыдущему описанию сантали [Neukom 2001], с его точки зрения, «данные Нойкома в основном взяты у Боддинга» (с. 98, в конце ценного комментария к библиографии), и во многих местах ссылки на эту книгу идут с целью критически отвести точки зрения, высказываемые в «some literature». Нам бы хотелось несколько защитить швейцарского лингвиста. В своей работе он привлекал данные большого числа работ, в том числе недавних и малоизвестных, и уж конечно, никак не сводятся к Боддингу многие его описательные решения и характеристики, некоторыми из которых, впрочем, пользуется и сам Гхош, например,

категория ирреалиса или глагольная сериализация. На с. 66–67 Гхош приводит пример отрицания аориста (не меняющегося на плюсквамперфект) и говорит, что это происходит вопреки тому, что утверждает Нойком. Однако правило об обязательной замене аориста на плюсквамперфект при отрицании имеется практически во всех грамматиках и Нойкомом не придумано; такой механизм также весьма частотен в текстах, и в частности, именно он срабатывает в предложении 23 приводимого самим же Гхошем рассказа (с. 91). Речь может идти о последовательном недосмотре всех грамматистов, вариативности, семантика которой еще не выявлена, диалектных различиях, диахронических изменениях – о чем угодно, только не о личной ошибке или недобросовестности Нойкома.

Тосики Осада, автор третьей главы – о языке мундари (жена Осады – носительница этого языка), в отличие от Гхоша, заканчивающего изложение обзором литературы, с него начинает, причем самокритично говорит про свою собственную грамматику 1992 г., весьма известную работу: «раздел о синтаксисе в ней очень плох» (с. 100). Рецензируемая глава такой оценки никак не заслуживает, хотя материал распределен далеко не везде так же равномерно, как в очерке Гхоша о сантали: например, имеется пункт «Ориентация/направление» с лаконичной фразой «в данном исследовании не рассматривалась», в разделе с многообещающим названием «Семантика» мы видим перечень глаголов мундари, которые на английский переводятся 'to cut' (ср. русск. *резать, стричь, рубить, колоть, кромсать, строгать* – на наш взгляд, чего-либо особо экзотичного в мундари не наблюдается), и больше ничего (с. 153); в то время как разнообразные экспрессивные образования в мундари, образуемые при помощи одиннадцати (!) различных типов редупликации, разбираются на шести страницах (с. 139–145)¹. Среди других интересных сюжетов, особо привлекавших внимание Т. Осады – интонация в мундари (с. 104–105), развенчание легенды о мундари как о языке без частей речи, чему была посвящена отдельная статья автора (с. 106–107), различное морфосинтаксическое поведение актантов разных типов (с. 122–125) и особенно подробно рассмотренные сериальные глагольные конструкции (с. 134–138),

¹ Все то же верно (кроме степени подробности, с которой излагаются экспрессивы) и для написанной Осадой в соавторстве пятой главы, посвященной хо и малым языкам кхервари.

где большое число глаголов фактически грамматикализуется, в том числе такие экзотические, как 'съесть' или «сорвать» (подробнее см. ниже, в обсуждении книги Андерсона «Глагол мунда»).

Четвертая глава (ее авторы – Масато Кобаяси и сантал Ганеш Мурму) посвящена идиому, обычно не описываемому как самостоятельный язык – это кера-мундари, вариант языка мундари, на котором говорят ораоны (дравидский народ, по традиционной культуре близкий к народам мунда; большинство их говорит на языке курух), живущие в районе столицы штата Джаркханд – города Ранчи. Это первое систематическое описание диалекта кера, построенное в виде описания различий между кера и другими диалектами мундари, а также с акцентом на влияние со стороны других языков. Как это ни поразительно, но бесспорных случаев дравидского субстратного влияния на грамматику и лексику этого диалекта не отмечено, да и спорных очень мало. Ряд специфических черт сближает кера-мундари с сантали, есть заметные индоарийские влияния. Кажется, интерпретация примера (42), с. 179, как свидетельства перехода вторичного показателя прогрессива в показатель прошедшего времени или перфекта не единственно возможная; в контекстах с предельным глаголом типа 'I did not prepare food' под отрицанием возможны конативная интерпретация ('и не пытался') и общефактическая ('не готовил'); ср. также конативное употребление этой же формы в сантали [Sitchinava 2007: 316].

В пятой главе, напротив, разбирается несколько самостоятельных «языков», а именно крупный язык хо и так называемые «малые языки кхервари». Не совсем ясно, сколько этих малых языков вообще существует: языки кхервари весьма близки друг к другу, а исследователи часто смешивают самоназвания этносов с обозначением каст или тому подобных группировок. Авторы главы (Андерсон, Осада и К. Харрисон) выделяют таковых пять: бхумидж, корва, асури, бирхор и тури. Прежде всего разбираются данные хо; данные остальных языков приводятся в качестве параллелей. В целом эти идиомы не демонстрируют каких-либо ярких характерных явлений и в одних отношениях ближе к мундари, в других – к сантали. Это единственная глава, где есть отдельный раздел (к тому же иллюстрированный, что тоже уникально для книги), посвященный разрабатываемой в настоящее время письменности хо.

Шестая глава (автор Н. Зайд) посвящена языку корку. Это самый западный австро-азиатский язык вообще, дальний эксклав

языков мунда – на нем говорят скорее даже в западной части субконтинента (на границе Мадхья-Прадеш и Махараштры). Корку испытал сильное индоарийское влияние и в ряде отношений отделился от остальных языков мунда – например, в нем развилось противопоставление по тону (в ряде слов имеющее и грамматическую нагрузку); в отличие от других северных мунда, в большинстве случаев в этом языке на вершине не маркируется субъект переходного глагола, зато глагольные словоформы включают локативные показатели – аналог Aktionsart; из индоарийских языков заимствуется большое количество вспомогательных глаголов. В целом язык корку пока не во всех отношениях изучен достаточно – его научное исследование начал всего лет пятьдесят назад сам Н. Зайд и долгое время не имел продолжателей.

Начиная с седьмой главы излагаются сведения о южных мунда; как уже говорилось, это языки сравнительно малочисленные по числу говорящих (за небольшими исключениями), практически бесписьменные и малоизученные. Авторский коллектив провел в годы, непосредственно предшествующие выходу книги, значительные полевые работы с носителями, однако надежные данные о некоторых аспектах этих языков, включая их диалектную структуру, пока отсутствуют. Седьмая глава (Андерсон и Харрисон) посвящена языку сора, крупнейшему из южных языков мунда, пока не находящемуся в опасности вымирания. Для языка сора, как и большинства южных мунда, чрезвычайно характерна сильно развитая инкорпорация имени, где не редкостью являются 4- и более частные композиты, характерно сочетание инкорпорированных имен с сильно развитой системой вспомогательных глаголов, вербализующих имя; данной системе в очерке посвящено 10 страниц. (В противоположность этому, в северных мунда инкорпорация отсутствует, а словообразование вообще развито мало.) В сора имеются показатели косвенного падежа (один из которых происходит из грамматикализованного слова 'тело'), причем один из этих показателей используется вместе с отрицанием (авторы осторожно предполагают возможность «понижения объекта» наподобие русского генитива при отрицании или аналогичных явлений в финно-угорских языках), сильно упрощена видо-временная система (до простой оппозиции «прошедшее vs. не прошедшее»).

В восьмой главе (авторы Г. Андерсон и Ф. Рау) рассматривается язык горум, распространенный в штате Орисса. Это беспись-

менный вымирающий язык; молодое поколение народа переходит на язык ория, да и старшее употребляет горум в основном как тайный язык (чтобы не быть понятыми молодежью). Для него характерна такая значимая система фонации, как *creaky voice* ('скрипучий голос') и ряд других просодических феноменов, связанных с глоттальными эффектами; при этом система согласных упрощена. Развитие инкорпорации, как и в языке сора, весьма значительно.

Девятая глава (Дж. Петерсон) посвящена языку кхариа, распространенному на юге Джаркханда. Часто его объединяют в особую группу с языком джуанг, но, с точки зрения Андерсона, сходство между этими языками носит вторичный арсальный характер, а с исторической точки зрения они разошлись рано. Во многом язык кхариа заметно отличается от большинства южных мунда языков: в нем сохранилось двойственное число, а с фонологической точки зрения, например, избегаются односложные слова. Ряд вопросов, связанных с инкорпорацией, в кхариа представляет теоретический интерес, например, является ли именная группа местоименного субъекта инкорпорированной. С точки зрения семантики глагола чрезвычайно интересно наличие инновативного (и считающегося рядом носителей «неправильным») «прошедшего II», по семантике «не отличающегося от прошедшего», а по форме образованного от перфекта в прошедшем (с. 462). Нам представляется возможным, что данная форма представляет собой результат развития формы плюсквамперфекта к значению 'неактуальное прошедшее'; требуются дополнительные исследования. Статья сопровождается ценной аннотированной библиографией.

В десятой главе разбирается малоизученный язык джуанг (более-менее исследованной можно считать в нем только глагольную морфологию); пометы «не исследовано» встречаются на месте пунктов описания неоднократно. Автор очерка, М. Патнайк, на наш взгляд, излишне нескритично воспринимает данные справочника «Ethnologue» о численности населения или тем более о статистических параметрах лексикона (ср. критику сведений «Ethnologue» в очерке Н. Зайда о корку). Существует гипотеза Г. Андерсона, согласно которой джуанг – изолят в рамках группы мунда. Помимо изначальной обособленности (вместе с кхариа или отдельно), язык джуанг испытал сильное влияние индоарийского языка ория, утратив глоттальную смычку как фонему и заимствовав образование относительных предложений, системы эвиденциальности и анафоры. Своеобразием

отличается в джуанг также субъектно-объектное маркирование глагола; видо-временная система сложнее, чем в других южных мунда (есть трехчастная временная система и несколько сочетающихся с ней аспектуальных показателей).

Одиннадцатая глава, написанная Андерсоном и Харрисоном, излагает сведения о языке ремо (другое название – бонда), почерпнутые в ходе масштабных полевых исследований в 2005–2007 гг. Ремо – бесписьменный язык, его ближайший родственник – язык гутоб, с которым они образуют некоторое единство, а также, возможно, кхариа (не исключено, что это сходство арсальное). Народ ремо, живущий на юге штата Орисса, считается наименее «цивилизованным» и наиболее «жестоким» из народов мунда, такая репутация долго способствовала изоляции и сохранению языка, но в последнее время индоарийское влияние стало угрожать его стабильности. Среди характерных черт этого языка – наличие фонологических носовых гласных (что отмечено в северных мунда языках, например, в сантали, но южным не свойственно), большое число морфонологических чередований. Типологически заметной даже на фоне Индостана особенностью в языке ремо являются пять степеней удаленности в дейктических местоимениях («близко», «далеко» и три промежуточные стадии, что отмечено также в нескольких дравидских языках). Имеется ряд системных различий между «равнинными» и «горными» диалектами.

Двенадцатая глава (автор – А. Гриффитс) посвящена языку гутоб, носители которого живут на границе штата Орисса с Андхра-Прадеш; некоторое время он считался диалектом языка ремо. Прогнозы сохранения языка неблагоприятные, молодое поколение переходит на десийский диалект языка ория, являющийся лингва-франка в зоне расселения носителей южных языков мунда. Одна из ярких черт – различие значений видо-временных и модальных показателей в положительных контекстах и при отрицании (подробнее см. ниже, в обсуждении книги «Глагол мунда»).

Языку гта (или, возможно, языки; здесь также выделяются горная и равнинная разновидности, но разница между ними, насколько можно судить по скудным данным, доступным по горному гта, значительна) обсуждается в тринадцатой главе, написанной Г. Андерсоном. Это также бесписьменный язык того же региона, точное место которого в классификации южных мунда неясно. Одна из заметных особенностей, выделяю-

щих гта на фоне других языков мунда, видна уже в его названии – в нем исключительно распространены кластеры согласных в начальной позиции. Обычно как в северных, так и в южных мунда сочетания согласных встречаются только в середине слова. Подобную фонологическую структуру слова имеют многие австроазиатские языки, дальние родственники мунда, однако велика вероятность того, что это не архаизм, а вторичное развитие. Нехарактерна для языков мунда и относительно сложная падежная система гта (обычно как северные, так и южные языки «обходятся» послелогом и в редких случаях небольшим числом базовых падежей; преобладает вершинное маркирование). Очень необычна и видо-временная-модальная система – противопоставляются два показателя, каждый из которых имеет целый ряд употреблений в разных контекстах (с. 724):

-ke	-ge
неопределенность	определенность
ближнее движение	дальнее движение
утверждение	эвиденциальность
состояние/настоящее	изменение/прошедшее
со вспом. глаголом = перфект	со вспом. глаголом = плюсквамперфект
хабитуалис/общее настоящее	определенное прошедшее
вопросительность	ответ
отрицание	запрет
отдаленное прошедшее	недавнее прошедшее
актантный фокус	фокус деятельности
нейтральный	маркированный

Отмечается ряд внешних «непоследовательностей» в таком распределении значений; например -ge одновременно выступает как эвиденциальный показатель (противопоставленный прямому утверждению), но в то же время выступает как показатель прямого утверждения в ответ на вопрос.

Наконец, последняя, четырнадцатая глава книги – написанный в свободной форме очерк Н. Зайда «О нихали» (ранее публиковался в иной редакции). Нихали (у ряда авторов нахали) – это загадочный язык, на котором говорит часть (существенно меньшая, по некоторым данным, около 5 тысяч человек) одноименной этнической группы на западе Индии, имевшей устойчивый «криминальный» статус в индийском обществе. Отсюда имеющая большое распространение версия,

что нихали – не что иное, как тайное воровское аргю, использующее слова разных естественных языков. Но если нихали – все же язык, развившийся «на перекрестке» влияния различных языковых семей нормальным образом, пусть даже в ряде случаев и использующийся потом билингвами в качестве тайного аргю (ср. выше, судьба языка горум), неясно, какова его исходная генетическая принадлежность. Присутствующая в нем лексика мунда дала основание рассматривать причислять нихали к «дальним осколкам» языка давних жителей Индостана, подобно языку корку (распространенному, к слову, примерно там же); есть и точка зрения, согласно которой нихали – изолированный язык, осколок еще одной языковой семьи субконтинента, от которой не осталось больше ничего. Зайд приводит все точки зрения и анализирует аргументы в пользу каждой из них, но выбор затруднен ограниченностью и внутренними противоречиями доступного материала. Остается желать, чтобы такой материал скорее появился, и основательное заключение сделалось бы возможным; употребительность нихали весьма незначительна, и если он исчезнет, то вопрос «что это было?» останется навсегда неразрешимым.

Перейдем теперь к изданной в 2007 г. книге Г. Андерсона «Глагол мунда». По числу анализируемых типологических характеристик книга делится на семь глав с прибавлением первой, вводной главы, посвященной общему очерку фонологии, именной морфологии и синтаксиса языков мунда и их общих типологических характеристик в генетическом и ареальном контексте. Во вводной главе описание дается на материале нескольких языков-представителей основных ветвей (разница между северными и южными мунда языками существенна на всех уровнях), с комментариями по поводу исторического развития данных черт, ареального индоарийского и дравидского влияния и реконструкции протоязыка мунда (кос в чем эти комментарии, как и сопровождающие их карты, перескажутся с вводной главой Андерсона к изданию «Языки мунда», хотя в книге «Глагол мунда» изложение более подробное). В пределах заданного объема этот очерк достаточно удачен, хотя, например, некоторые формулировки можно было уточнить. Например, говорится (с. 11), что в сантали, как кажется, помимо приведенных в таблице гласных фонем, есть еще и набор назализованных гласных – во-первых, это было известно и предыдущим исследователям, во-вторых, на следующей же странице приво-

дятся собранные самим же автором минимальные пары вида «назализованные vs. неназализованные гласные» (но без списка фонем; такой список можно найти, например, в издании «Языки мунда» в статье о сантали А. Гхоша, с. 20); не дается также отдельная таблица фонологически значимых глоттализованных, придыхательных и преназализованных смычных. В области морфологии обращает внимание материальное совпадение генитивных показателей [-itʃʰ] (одушевленные имена) vs. [-akʰ] (неодушевленные имена, с. 24) с таким же образом распределенными словообразовательными показателями отглагольных имен (с. 17); кажется, что эти две функции следует рассматривать вместе как свойства одних и тех же показателей, тем более что для языков мунда, как и для многих других групп Евразии, как раз характерно использование падежного маркирования вершинного глагола для образования придаточных (с. 27, 142–143), а лексические основы не распределены жестко по частям речи (с. 33).

Во второй главе книги описан залог – в языках мунда это категория с богатым набором граммем, включающая каузатив, реципрок, пассив, медий, бенефактив и рефлексив, а в ряде языков выделяются и другие залоговые/деривационные категории, например, пермиссив в сантали и корку. Отмечено, что лишь некоторые маркеры этих категорий можно реконструировать на уровне праязыка мунда (или тем более на австроазиатском уровне), многие возникли в отдельных языках независимо и демонстрируют типологическое разнообразие (префиксация, инфиксация, двойное маркирование и т.п.). При этом маркирование рефлексива и пассива во многих языках сближается (типологически частотное совмещение, присутствующее хотя бы в русском -ся), а рефлексив используется в значении ‘самостоятельно’, что также известное типологическое свойство. С точки зрения грамматикализации весьма интересно превращение глагола ‘есть, принимать пищу’ в показатель пассива в кхариа и джуанг. Типологические параллели этого явления Андерсон не рассматривает, так что остановимся на них чуть подробнее. Данные мунда сопоставляются в [Haspelmath 1990: 41, 64] с типологической параллелью из корейского. С точки зрения Б. Хайне и Т. Кутевой [Heine, Kuteva 2002: 122], добавляющих сюда еще и схожую конструкцию из китайского языка, концептуальный механизм этой грамматикализации неясен, и для его анализа нужен дополнительный материал. Данные других языков (турецкого,

персидского; в багвалинском, чепанг и хауса – аспектуальные употребления) собраны в [Naess 2001] и [Майсак 2005: 318]. На наш взгляд, здесь возможно развитие пассивного значения из ‘переносить, претерпевать [что-л. неприятное]’ (ср. *он проглотил обиду*), так и из значения медия – ‘сделать что-л. для себя’; из языков мунда именно это значение является основным в сантали (и мундари – см. выше в изложении очерка Т. Осады), в связи с чем интересно употребление глагола ‘есть’ со значением ‘делать Р, чтобы прожить’ в языке лаху (ср. [Matisoff 1991:440–441]). Далее в обсуждаемой главе книги Андерсона рассматривается подсистема бенефактива («аппликатива»), характерная для языков кхервари. Особое внимание уделено категории «версии» (дискурсивного выделения, или в другой терминологии – фокуса), описываемой на материале исчезающего языка горум; это фактически ‘case study’. При чем для маркирования этой категории в горум используется, помимо аффиксов (один из которых восходит к глаголу ‘приходить’ – можем добавить к предлагаемым автором тюркским и бурушаски параллелям еще европейские конструкции вроде ‘пошел и сделал’ [Майсак 2005: 164], сюда же исторически относится, вероятно, и каталанская конструкция с *anar* [Detges 2004]), еще и уже упоминавшийся «скрипучий голос» (creaky voice).

Третья глава книги посвящена маркированию референции в глаголе мунда. Языки этой группы характеризуются пестротой типов согласования и представляют интересный материал для типологии. В большинстве языков представлено маркирование субъекта, объекта (прямого и косвенного), а в некоторых языках и посессора. В части языков в схожих функциях выступают преимущественно проклитики, в других – энклитики. Такое яркое явление, как маркирование субъекта энклитикой не при вершине (а именно, при предшествующем глаголу слове либо в Ваккернагелевой позиции) отмечено и в южных мунда, и в языках кхервари, но развилось в обеих ветвях, по-видимому, независимо; возможно, это результат переинтерпретации проклитик как энклитик, либо же показатели субъекта в кхервари вообще представляют собой позднюю инновацию, учитывая то, что они материально совпадают с объектными и различаются от них лишь позицией (с. 70–82). Объект маркируется обычно после видо-временного суффикса, причем южные мунда языки не отличают прямой объект от косвенного, а северные используют для косвенного одушевленного объекта уже упоми-

навшийся показатель бенефактива или особое кодирование для адресата. Аналогично распределено и маркирование поссесора (в южных мунда действует «подъем поссесора» в позицию объекта, северные мунда имеют специальный набор показателей для согласования с поссесором – последнее довольно необычно для языков мира). Таким образом, в северных мунда (в частности, в языках кхервари) представлено согласование глагольной словоформы по пяти актантам – субъекту, прямому объекту, адресату, бенефактивному адресату и поссесору объекта (с. 96), хотя это отчасти «компенсировано» тем, что в этих языках, как уже сказано, субъектная клитика обычно переносится на другую словоформу. Отмечено также (преимущественно в южных мунда) множественное маркирование одного и того же актанта, по-видимому, это связано с коммуникативным выделением.

В главе четвертой исследуются вид, время и наклонение, а также маркирование переходности; в языках мунда это тесно связанные вещи, видовые показатели здесь имеют совершенно разные алломорфы при переходных и непереходных глаголах (это разграничение является общим для большинства языков – в некоторых южномундских оно утрачено – и, по-видимому, присутствовало еще в праязыке). В языке корку переходность интересным образом взаимодействует с одушевленностью (с. 125 и сл.). Время в языках мунда представляет собой, как писал еще Масперо, относительно позднее явление; первоначально это были типичные «одномерные» глагольные системы с одной позицией для маркирования вида и наклонения, причем видовые формы получают временную интерпретацию по умолчанию. Ряд видо-временных показателей носит внешний (полувспомогательный) характер по отношению к словоформе и занимает особую позицию, не «склесненную» с переходностью. Характерны с этой точки зрения вторичные показатели аспекта и неактуального прошедшего в северных мунда, которым в книге, на наш взгляд, не уделено достаточного внимания (см. также ниже). В частности, Андерсон объединяет эти показатели по семантическому принципу в одну «серию А» с показателями хабитуалиса/будущего времени (хотя и положение их в словоформе, и просодический статус совсем разный, если не сказать прямо противоположный), кроме того, почему-то выделяется единый показатель «имперфекта» – сантали *kan tahēkan*, мундари *tan taiken* и проч. (с. 113–114). Но ведь в сантали

tahēkan часто выступает и без *kan* – с перфектом, плюсквамперфектом/ирреалисом, дуративом² – чему достаточно примеров не только в грамматиках (начиная уже с трудов пресподобного Ларса Скрефсруда), но и в подлинных фольклорных текстах [Bodding 1923–1929], причем получаются весьма неинтересные значения. Один пример с дуративом ниже приводит и сам Андерсон (с. 116). В южных мунда сильнее грамматикализированы вторичные показатели перфекта и прогрессива в кхариа (с. 111), в джуанг для образования прогрессива в прошедшем используется редупликация, а в корку она образует большое число видо-временных форм (с. 129), причем для этого языка характерна не только полисемия, но и синонимия недавно грамматикализовавшихся показателей. Для наклонения в северных мунда характерно (и типологически необычно) внешнее маркирование непереходного императива и эксплицитное выражение субъекта (с. 135–137). Отметим, что значительная часть видо-временных показателей, а именно, грамматикализированных вспомогательных и полувспомогательных глаголов и иных конструкций, обсуждается не в этой главе, а в специально посвященной этой проблематике заключительной Главе восьмой.

Глава пятая посвящена системе отрицания, которая в южных мунда выступает как отдельная категория. Здесь же (а не в разделе «наклонение») рассмотрен и прохибитив, поскольку, в отличие от императива, в языках мунда это обычно форма с финитной морфологией. В ряде языков имеется нестандартное взаимодействие отрицания с глагольным временем: в горум разные отрицания для прошедшего и неперешедшего, в языке сора формы под отрицанием часто не маркированы по времени. Максимально далеко это взаимодействие заходит в «малых» южных языках – ремо, гта и особенно гутоб, где в положительном и отрицательном спряжении почти все видо-временные показатели имеют разные значения: отрицание при про-

² Сочетания с аористом *-ke-* представлены в ряде грамматик, но в текстах мне их найти не удалось [Sitchinava 2007], из семантических соображений они также кажутся маргинальными, хотя в принципе и возможными. В упомянутой работе дается описание семантики *-le-* и *-tahēkan-*, которая к «предшествованию» или «имперфекту», с моей точки зрения, не сводится; см. также упомянутую работу [Neukom 2001].

шедшем времени имеет значение прохибитива в настоящем, а отрицание в прошедшем имеет суффикс неспрошедшего. При сочетании отрицательной частицы с плюсквамперфектом в гутоб на сцену выходит такой нетрадиционный способ выражения отрицания, как редупликация (с. 157–158), в гта редуплицируется отрицательный прогрессив в прошедшем (с. 159). К сожалению, в этот ряд фактов не включена кратко упомянутая в сноске к предыдущей главе замена в ссверных мунда аориста *-ke-* на «плюсквамперфект» *-le-* при отрицании (см. выше, в обсуждении очерка А. Гхоша о сантали). Добавим от себя, что сокращенная, лишенная части маркирования и иногда «сдвинутая назад» видо-временная парадигма при отрицании свойственна и другим языкам мира, в частности, многим языкам банту [Contini-Mogava 1989; Урманчиева 2003: 469–472], а формальная редупликация при отрицании плюсквамперфекта и прогрессива, возможно, связана с парадоксальным усилением компонента хабитуальности/множественности «не-события» (ср. преимущественное употребление в русском языке XVII в. после отрицания многократного вторичного имперфектива: *не езживал, не прашивал* и т.п.). В джуанг отмечено двойное отрицание с поствербальным отрицательным наречием, совершенно подобное французскому *ne...pas* (с. 150–151).

Шестая глава – самая большая в книге (почти 50 страниц) – посвящена инкорпорации имени. Здесь типологический материал привлечен максимально. Г. Андерсон считает классификацию М. Митун, выделяющей четыре типа именной инкорпорации, недостаточной; он приводит примеры из языков Америки и кетского, где инкорпорированные имена могут быть антецедентами анафорических показателей (схожие примеры со сложными словами в немецком и итальянском дает И. А. Мельчук [Мельчук 1997: 210–211]), а иногда инкорпорируются формы со словоизменительными показателями (с. 172–173), что Митун, с его точки зрения, не предусматривает. Андерсон отмечает, что языки мунда не соответствуют предположению, выдвинутому в связи с известной «гипотезой неаккузативности» Д. Перлмуттера, о том, что так называемые «неэргативные» глаголы не допускают инкорпорации (с. 174). В южномундском языке сора (с. 175 и сл.), как и во многих других австроазиатских языках, «свободные» формы существительных носят явно вторичный характер и специально образуются из односложных инкорпорированных корней путем добавления префикса, редупликации, инфикса или ком-

бинации этих приемов (в соответствии с общим для этих языков фонологическим ограничением, согласно которому полноударное слово не может быть короче двух мор), отмечены случаи инкорпорации супплетивного корня. В сора представлена и довольно редкая в языках мира инкорпорация агенса переходного глагола (по типу «ты тигропоймешься» в смысле «тебя поймает тигр»; ср. нарушающее правила образования русских сложных слов *мухоедство* «послание мухами» у капитана Лебядкина в «Бесах» Достоевского [Тестелец 2001: 341]), а также множественная инкорпорация нескольких актантов или нескольких (сериализованных) предикатов, типа «принести-дать-рис», «прилипнуть-грязь-рука-тебе» и даже сочетание того и другого («желать-есть-пирог-рот-тебе»), последнее отмечено и в языках Америки (фокс), и в папуасских (йимас). Похожие (хотя и не столь разветвленные и продуктивные) системы представлены в других южных мунда и рассмотрены более кратко. В ссверных мунда есть лишь отдельные реликты системы, похожей на представленную в сора; помимо их, элементы инкорпорации (типа «скало-лазаться») представлены очень ограничено и представляют собой, возможно, инновацию под индоарийским влиянием. В конце главы (с. 204 ff) рассмотрены параллели из австроазиатских языков разных групп – кхаси, никобарских и некоторых других.

Седьмая глава посвящена такой морфосинтаксической категории, представленной во многих языках мира, как «переключение референции» (*switch reference*), и представляет собой переработанную версию совместной статьи автора с Дж. П. Бойлом³. Напомним, что эта категория указывает на (не)ко-референтность подлежащего следующего (простого) предложения подлежащему предыдущего; в русском языке функции, очень близкие к показателю «иного подлежащего» (*different subject*), выполняет местоимение *тот* (*Вера училась в Бауманском университете, куда поступила по настоянию мамы_i – уважаемого бухгалтера-экономиста. Та_i заранее расписала будущее дочери_j, мечтая, чтобы та_j пошла по ее_i стопам* («Лиза», июнь 2004). В ряде языков мунда (как и в некоторых других языках мира) показатели переключения референции используются в прямом значении лишь в нарративе,

³ В главе остался такой недосмотр, естественный для отдельной статьи, как указание при первом упоминании языков их альтернативных названий.

а в иных видах дискурса (например, в условных предложениях в диалоге) они грамматикализованы как показатель некоторых синтаксических конструкций независимо от кореферентности подлежащих. Соответствующая система является общей чертой южных языков мунда; с точки зрения Андерсона, вероятные ее следы также в северных мунда позволяют предполагать глубокую архаичность этой категории.

В последней, восьмой главе с привлечением большого числа типологических параллелей обсуждаются конструкции со вспомогательным глаголом и иные явления, связанные со «сложным предикатом», а именно конструкции с «легким глаголом», «эхо-образования», сериальные конструкции; автор считает, что данные типы конструкций образуют континуум, который не может быть «порублен» (*chopped*) на четко выделяемые универсальные для всех языков дискретные типы, как иногда предполагается в генеративистской литературе (с. 236). Данный материал чрезвычайно интересен с точки зрения грамматикализации различных полнозначных глаголов: данные языков мунда (как и других в южноазиатском ареале) демонстрируют самые разные этапы этого процесса. Часть форм, имеющих полувспомогательный статус, уже анализировалась выше, в четвертой главе. Как и ожидается типологически (ср. прежде всего не упоминаемую автором книгу [Bybee et al. 1994]), чаще всего при помощи вспомогательных глаголов (не всегда, впрочем, уже прозрачных семантически), в южных мунда выражаются семантически «молодые» категории, прежде всего перфект и прогрессив, а также комплетив. В качестве показателя последнего и родственных значений грамматикализируются такие глаголы, как 'бросать', 'идти' (в горум 'идти' означает также произвольное действие), 'давать' (также для каузатива). В выборе конкретных путей грамматикализации Андерсон допускает ареальное влияние со стороны дравидских языков (или взаимовлияние). Это относится и к такой черте обсуждаемых конструкций в ряде языков (например, горум), как двувершинное словоизменительное маркирование как вспомогательного, так и полнозначного глаголов, что весьма характерно и для дравидских языков (с. 253–256); отмечено также известное в Евразии распределенное маркирование части значений на вершине, а части – на вспомогательном глаголе (с. 257 и сл.). Образование этих показателей во многом зависит от того, относится ли глагол к переходным или непереходным. Есть примеры путей грамматикализации, кото-

рые кажутся уникальными, например, в языках мундари и сантали глагол 'выдергивать' ('to pluck') превратился в показатель быстрого, внезапного, сильного действия (в очерке Т. Осады из книги «Языки мунда», см. выше, отмечена также его терминативная семантика – 'прекращать').

Замечания к этой книге хотелось бы начать с того, что семантика глагольных форм представлена порой достаточно скупой: морфемика и роль грамматических показателей в той или иной реконструкции в ряде случаев интересует автора явно больше, чем конкретные значения этих форм в системе и в типологическом освещении. В этой связи все же нельзя не удивиться отсутствию ссылок на уже упоминавшуюся грамматику Л. Нойкома «Santali» [Neukom 2001], вышедшую в 2001 году в известной серии мюнхенского издательства «Linsom», там же, где тремя годами ранее книга самого Андерсона о хакасском (при том что автору известна работа Нойкома о маркировании актантов в этом языке, опубликованная годом ранее), так что нам придется еще раз взять книгу Нойкома под защиту. В этой книге автор, например, подробно говорит о такой категории в сантали (общей, сколько можно судить, для всех языков кхервари), как ирреалис. Данная функция во всех отношениях выдающегося сантальского показателя *-le-*, с опорой на типологические работы М. Митун, выделена им, на мой взгляд, вполне убедительно. Отмечает Нойком и ряд специфических функций показателя *-tahēkan-*, в том числе структурирование дискурса – ввод нового эпизода. У Андерсона мы видим лишь беглые «ярлыки» для того и другого (*-le-* означает «предшествование» – *anteriority* и «иногда реализуется как плюсквамперфект», с. 121, а иногда «лишено показателей финитности», с. 120), не всегда верные содержательно (например, прогрессив в прошедшем он называет «имперфектом», в то время как в обсуждаемых языках кхервари прогрессив и дуратив в прошедшем вполне противопоставляются), а сочетание этих двух показателей, как мы уже говорили, вообще не предусмотрено.

Обсуждая историческое развитие глагольных категорий и превращение вспомогательного глагола в аффиксы, автор ссылается на некоторые работы в области грамматикализации – прежде всего на совершенно необходимый в этой области «Лексикон» Хайне и Кутевой (хотя и не во всех случаях, где эта работа содержит важный для излагаемого вопроса материал, – например, в уже обсуждавшемся детективном сюжете с глаголом 'есть'), а также на их же работы по вспомо-

гательным глаголам. Однако он не упоминает важные работы о грамматикализации многих других авторов. Работы М. Митун об инкорпорации или М.Б. Бергельсон и А.А. Кибрика о переключении референции привлечены, а огромный пополненный новыми данными по сравнению с материалом Митун раздел об инкорпорации в книге Э. Даля [Dahl 2004], работы Дж. Байби о грамматикализации времени и вида (столь уместные в заключительной главе) или работы М. Хаспельмата, вполне актуальные для ряда других тем – нет. Часто перед нами хорошо изложенный материал для типолога, а еще не типологический анализ. Конечно, надо учитывать и ограничения объема и необходимость дать как можно больше фактов собственно языков мунда.

Сравнительно-исторические экскурсы, при всей их увлекательности и частой убедительности, местами немножко грешат абсолютизацией реконструкции грамматики на уровне «дробных праязыков». Наряду с версиями, возводящими те или иные показатели к «прото-южному мунда» или «прото-сораджурай-горум», часто не менее конкурентоспособны и варианты ареального взаимовлияния родственных языков. Наконец, в связи с компаративистской реконструкцией мунда, может быть, стоило бы упомянуть работы в этой области Ю. К. Лекомцева, которыми он был поглощен в последние годы жизни, тем более что автор много работал в России, и в списке литературы есть несколько русскоязычных работ.

Все это в общем не противоречит задачам, которые поставил себе сам автор, и не умаляет ценности того, что есть в этой работе – она и не претендует на то, чтобы быть последним словом по заявленной теме, и ее название «Типологические перспективы» об этом свидетельствует. Автор дал ценный, удачно структурированный свод материала, снабженный большим количеством убедительных трактовок, реконструкций и типологических параллелей из десятков самых разных языков мира. На тему глагола в языках мунда можно написать еще не одну книгу, но без книги Андерсона при этом не обойтись. И эта книга, и изданный под редакцией Андерсона том «Языки мунда» должны стать настольными для всякого, кто занимается языками мунда или даже просто ссылается на их материал.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Майсак 2005 – Т.А. Майсак. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М., 2005.
- Мельчук 1997 – И.А. Мельчук. Курс общей морфологии. М.; Wien, 1997.
- Тестелец 2001 – Я.Г. Тестелец. Введение в общий синтаксис. М., 2001.
- Урманчиева 2003 – А.Ю. Урманчиева. Отрицательные формы глагола в языках Африки: морфология и семантика // В.А. Виноградов, И.Н. Топорова (ред.). Основы африканского языкознания. Глагол. М., 2003.
- Bodding (ed.) 1923–1929 – P.O. Bodding (ed.) Santali folk tales / Ed. by the Rev. P.O. Bodding. V. I–III. Oslo, 1923–1929.
- Bybee et al. 1994 – J.L. Bybee, R. Perkin, W. Pagliuca. The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago, 1994.
- Contini-Morava 1989 – E. Contini-Morava. Discourse pragmatics and semantic categorization. The case of negation and tense-aspect with special reference to Swahili. B., 1989.
- Cysouw 2005 – M. Cysouw. A typology of honorific uses of clusivity // E. Filimonova (ed.). Clusivity. Amsterdam, 2005.
- Detges 2004 – U. Detges. How cognitive is grammaticalization? The history of the Catalan perfect periphrastic // O. Fischer, M. Norde, H. Peridon (eds.) Up and down the cline: The nature of grammaticalization, Amsterdam, 2004.
- Haspelmath 1990 – M. Haspelmath. The grammaticalization of passive morphology // Studies in language. 1990. 14(1).
- Heine, Kuteva 2002 – B. Heine, T. Kuteva. World lexicon of grammaticalization. Cambridge, 2002.
- Matisoff 1991 – J.A. Matisoff. Areal and universal dimension of grammaticalization in Lahu // E.K. Traugott, B. Heine (eds.), Approaches to grammaticalization. V. 2. Amsterdam, 1991.
- Naess 2001 – A. Naess. «Eat» as auxiliary // LINGUIST List 12.1631, 2001, Jun 20 [http://www.linguistlist.org/issues/12/12-1631.html]
- Neukom 2001 – L. Neukom. Santali. München, 2001.
- Sitchinava 2007 – D. Sitchinava. Past markers in Santali: a typology-oriented approach // C. Masica (ed.) Old and new perspectives on South Asian languages: grammar and semantics. Delhi, 2007.

Д.В. Сичинава